

КОНЦЕПЦИЯ КОНФЛИКТНОЙ ДИНАМИКИ И ГЛАВНЫЕ РАЗВИЛКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»).

Представлена концепция конфликтной динамики в периоды глубоких социально-политических кризисов и социальных революций. Концепция объединяет теорию интерактивных ритуалов (традиция Э. Дюркгейма, И. Гофмана, Р. Коллинза), теорию установок (Дм. Узнадзе) и габитусов (П. Бурдьё), модель оперантного обусловливания (Б.Скиннер), новую типологию легитимности, а также принципы динамики легитимности, смены полей взаимодействия, факторы решимости применять насилие и др. На этой основе проведен теоретический анализ главных развилок – точек бифуркации – в дни Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция; интерактивные ритуалы; легитимность; установки сознания и поведения; оперантное обусловливание; социальный конфликт; политическое насилие.

Хаос или закономерное действие социальных механизмов?

«Хаос» революционных событий здесь трактуется как сложная, поливариантная конфликтная динамика с перемежением периодов относительно закономерных процессов («воронка», или «русло», «колея») и кратких периодов бифуркации, прямых столкновений, неустойчивого равновесия с несколькими открывающимися альтернативами («развилки»).

Наибольший интерес вызывают именно развилки, где многое решается в ситуациях «здесь и сейчас». Поворот событий в таких столкновениях всегда зависит от «расстановки сил», которая в свою очередь определяется предшествующим периодом множества социальных процессов и явлений, всегда также происходящих в ситуациях – в каких-то моментах времени и в каких-то местах.

Именно в развилках особенно высока неопределенность развития событий, а значит, резко возрастает роль случайности, стечения обстоятельств, увеличивается значимость решений, поступков лидеров.

Бурные дни конца февраля и начала марта 1917 г. представлены во множестве мемуаров свидетелей, непосредственных участников важнейших событий [1–4], и достаточно детально описаны историками [5–8]. Теоретическое объяснение происходящих тогда процессов требует обращения к общим понятиям и принципам конфликтной динамики, которые представим здесь через синтез нескольких классических и современных социологических, психологических и политологических концепций.

Обогащенная теория ритуалов

Теория интерактивных ритуалов (далее – *ритуалов*), разработанная в традиции Э. Дюркгейма, И. Гофмана, Р. Коллинза, является наиболее широкой, развернутой и конструктивной концепцией взаимодействия между людьми на уровне ультрамикроскопа [9–11]. Потенциал этой теории значительно усиливается [12] при добавлении к ней концепта установок (У. Томас, Ф. Знанецки, Дм. Узнадзе [13, 14]), принципа оперантного обусловливания (Э. Торндайк,

Б. Скиннер [15, 16]) и представлений о человеческих потребностях, ценностях, типах комфорта (М. Шелер, А. Маслоу [17, 18]).

Согласно теории ритуалов, индивиды, собравшиеся физически вместе, сфокусированные на одном предмете (возможно, абстрактном, – теме общего разговора или речи оратора), участвующие в общем действе с той или иной синхронизацией (от хорового пения и танцев, выслушивания докладов, споров, гологований, принятия резолюций до уличных боев и захвата зданий), начинают испытывать *общую эмоцию* и обретать *общую субъективную реальность* [9, 10]. Чем сильнее эта общая эмоция, тем более эффективно укрепляются или трансформируются у участников действия *габитусы* (термин заимствован у П. Бурдьё), включающие установки пяти типов:

- *когнитивные* (фреймы, картины мира, образы происходящего),
- *экзистенциальные* (идентичности – сословные, классовые, этнические и проч.);
- *символические* (святыни, ценности, идеалы, а также антиценности – то, ненавистно и презираемо);
- *социальные* (отношения, занятие позиции в структуре связей между людьми);
- *поведенческие* (стереотипы реакций, практик, действий, деятельностей, стратегий) [13].

Все конфликтные взаимодействия в ситуациях «здесь и сейчас» (от спора или драки между индивидами до боевого столкновения между вооруженными группами, массами людей) имеют ритуальную природу, а значит, укрепляют или меняют установки участников.

Некоторые повторяющиеся конфликты, с распределением ролей, более или менее установленным порядком, основанным на базовой солидарности участников (философские, научные и политические дебаты, спортивные состязания в боевых искусствах), являются типичными интерактивными ритуалами.

Агрессивные конфликты с ожесточением, стремлением каждой стороны одержать не игровую, а настоящую победу, подавить, унижить, травмировать или даже уничтожить противника трактуются как совмещение попыток каждой стороны навязать свой ритуал: встать в позицию победителя и загнать противника в позицию побежденного.

Положительное подкрепление поведения в ритуале (успех решений, действий) и соответствующих установок (в отношении других людей и символов) происходит, когда они воспринимаются индивидом как способствующие сохранению или повышению уровня того комфорта, на который направлен фокус внимания в ритуале, а *отрицательное подкрепление* – когда это поведение и установки воспринимаются как подрывающие комфорт или угрожающие ему [15, 16].

Таким образом, выигрыш участника укрепляет его актуальные установки, увеличивает его эмоциональную энергию, усиливает чувство правоты. Последующие ритуалы триумфального празднования победы способствуют лидерству и дальнейшей активности в том же направлении действий, которое привело к выигрышу.

Проигрыш участника ведет к фрустрации и *отрицательному подкреплению* тех его установок, которые он связывает с проигрышем. Под вопрос могут быть поставлены и картины мира, и ценности, и идентичности, и отношения, и способы поведения. После проигрыша всегда следуют бурные обсуждения, переживания, также имеющие ритуальную природу, в результате чего какие-то актуальные установки ослабевают вплоть до разрушения, а другие актуализируются, усиливаются или даже формируются новые (*рефрейминг* [11]).

Выигрыши и проигрыши определяются через увеличение или снижение уровней комфорта трех типов: *комфорта жизнеобеспечения* (и гарантий на приемлемые, желательные будущие условия жизни), *социального комфорта* (безопасности, благосостояния, престижа-статуса-репутации, положения в структурах власти и насилия) и *духовного комфорта* (чувства причастности к высшим святыням, ценностям, идеалам)¹.

Связь ритуалов, действий, решений и роль насилия

Интерактивные ритуалы при учете разнообразия их типов, нередкой редуцированности до еле заметных жестов или интонаций имеют универсальный характер для всех столкновений (ситуаций соприсутствия людей), где есть хоть какой-то порядок.

Действия, меняющие что-то в физическом мире (от производства благ до разрушений и убийств), в социальном мире (подписание бумаг, меняющих отношения власти, собственности и т.д.²), а также *явные групповые решения* относительно будущих действий участников, хотя обычно имеют признаки ритуалов, но вынуждают выйти за рамки интерактивно-ритуальной теории, поскольку здесь меняются *не только* установки участников. Действия существенно меняют что-то, не сводимое к символическому (собственно, ритуальному, церемониальному) значению.

Удобно представлять три потенциальных аспекта для каждого столкновения: ритуальный, деятельный и резолютивный (решенческий).

Если поклоны, рукопожатия, объятия, поцелуи, насмешки, оскорбления, плевок, пощечины имеют исключительно или преимущественно ритуальное

значение (выражают эмоции и отношения дружелюбия, почтения, любви, презрения, ненависти и т.д.), то побои, нанесение травм, связывание, убийство, изнасилование – это уже физические действия, выходящие за пределы чистой ритуальности, хотя осуществляются и воспринимаются всегда в рамках тех или иных ритуалов, с воздействием на когнитивные, символические и прочие установки.

Если выход возмущенных масс на улицы и приказы увещивания со стороны представителей режима успокоиться, разойтись еще находятся в рамках ритуального взаимодействия (попыток каждой стороны навязать свой ритуал противнику), то захваты зданий, погромы, избиения полицейских, стрельба, аресты, обыски, изъятия и т.п. – это действия, производящие такие изменения в материальном и социальном мире, которые станут «входами» в последующие столкновения уже не только через изменившиеся установки участников (главные эффекты ритуалов), но и помимо них сугубо вещным, материальным характером обстоятельств.

Резолютивный аспект является промежуточным и посредническим между аспектами ритуала и действия. Принятие группового решения (проговоренного устно или записанного в протоколе, резолюции собрания) – это всегда ритуал, нередко сопровождаемый сильными эмоциями и всегда в той или иной мере меняющий установки участников. Настоящие решения (а не только претензии на решения) всегда касаются будущих реальных действий участников, а не только их настроений и убеждений (в аналитической философии соответствующие речевые акты, высказывания называются перформативами [19]). Принятие такого рода решения также предполагает, что каждый участник берет на себя обязательство его выполнять после того, как участники уже разойдутся.

Такое обязательство в психологическом плане является ничем иным как обретенной *поведенческой установкой* («я обязан сделать то-то и то-то, поскольку так решили, я фактически обещал, и от меня это ожидают»), которая в той или иной мере подкрепляется или ослабляется установками других типов: *когнитивными* («происходит то-то, и я на это не/повлияю»), *символическими* («ради чего вообще я буду это делать»), *экзистенциальными* («я – один из таких-то, поэтому не/должен это делать»), *социальных* («по отношению к тем-то я не/должен это делать»).

Ритуалы, ведущие к реальным действиям, следует выделять из ритуалов, только меняющих настроения. Тем более, когда речь идет о революциях, ход которых во многом определяется действиями так или иначе организованных групп со стороны разных политических сил, выполняющих (или не выполняющих по какому-то причинам) ранее принятые решения.

Групповые решения, как правило, фиксируются в форме документов (резолюций, обращений, манифестов, планов, программ, писем и проч.). Эти решения не только накладывают обязательства на самих участников ритуального действия, но также служат входами в другие ритуальные действия в другом месте и времени, с другими участниками. Такие *следствия прошлых решений* могут открывать новые возможности для

участников, но могут и закрывать ранее имевшиеся возможности, кроме того, могут представлять собой угрозы для комфорта того или иного типа (начиная с угрозы безопасности, лишения власти, статуса и собственности).

Во время острых социально-политических кризисов, мятежей, революций (далее: революционных периодов) ритуалы, решения и действия либо прямо *включают насилие, подготовку к насилию или защите от насилия*, либо так или иначе предполагают расстановку сил, значимую при вероятных вспышках насилия, а также имеющиеся силовые ресурсы, требуемые для реализации принятых решений, способность противников этих решений оказывать силовое сопротивление. Особая роль насилия в эти периоды объясняется ослаблением обычных институциональных институтов и практик, исключающих или строго ограничивающих насилие, дискредитацией и разрушением таких институтов и норм вплоть до полного исчезновения.

Легитимность: социальная природа и новая типология

Важнейшая в политике категория – *легитимность* – в данной концепции трактуется как обобщенная характеристика сочетания групповых *социальных установок* признания группами, акторами оправданности власти, руководства лиц, организаций, а также *символических установок* признания значимости, священного характера идей, ценностей, типов правления, институтов, принципов. Таким образом, легитимность формируется и укрепляется в ритуалах, но в них же она может и рушиться, смещаться с одних лиц, идей, институтов на другие. Доминирующие в ритуалах, побеждающие в конфликтах всегда повышают свою легитимность среди присутствующих, обретают лучшую способность навязывать свою волю и контролировать насилие.

Будем использовать не классическую веберовскую типологию легитимности, а новую, включающую разделение по субъектам признания: *силовую легитимность* (признание государственным аппаратом насилия – полицией, армией, спецслужбами), *бюрократическую легитимность* (признание аппаратом чиновников, властями провинций), *популярную легитимность* (признание большими группами населения), *авторитетную легитимность* (признание лидерами общественного мнения), *международную легитимность* (признание лидирующей коалицией государств, ведущими мировыми державами, наиболее сильными и близкими союзниками).

В революционные периоды государство теряет монополию на легитимное насилие, поэтому силовая легитимность (со стороны регулярной армии и милиции) дополняется *парамилитарной легитимностью*, которой в разной мере в разные периоды обладают политические акторы со стороны всевозможных вооруженных групп, боевых отрядов, банд и проч.

Также по основаниям признания выделяем: *формально-правовую легитимность* (соответствие нормам установленных, письменно зафиксированных законов), *идеологическую легитимность* (соответ-

ствие доминирующим политическим идеям в той или иной группе населения) и *общеправовую легитимность* (соответствие базовым «естественным» принципам права, справедливости, гуманизма) [21].

Всегда и везде в политической борьбе акторы стремятся повысить свою легитимность и понизить, обрушить легитимность противников; акторы переживают подъемы и спады собственной легитимности как вследствие своих действий, так и под влиянием их трактовки другими акторами.

Особенность революционных периодов состоит в быстроте и драматичности взлетов и падений легитимности лидеров, партий, институтов, органов власти, идей, лозунгов, причем в связи с агрессивными конфликтами, насилием и бурными, драматическими ритуальными действиями разного масштаба – от споров один на один, дебатов на партийных совещаниях, съездах до уличных побоищ и вооруженных войсковых столкновений [20].

Ритуалы и конфликты в динамике революции

Социальная революция определяется здесь как *относительно быстрая трансформация государственных и классовых структур с участием не только контрэлиты, но и массовых низовых движений*. Она включает, как минимум, три масштаба взаимодействий в ситуациях «здесь и сейчас»:

– *массовые уличные протесты*, шествия и митинги с требованиями смены власти, та или иная *реакция на них власти и силовых структур* (тысячи, десятки и сотни тысяч участников);

– *всевозможные собрания*, митинги, стачки, заседания парламентов, созданных революционерами собраний депутатов (десятки и сотни участников);

– *происходящее в малых группах* и между немногими участниками – совещания всевозможных комитетов и комиссий, органов власти старого режима и новых революционных органов, уличные столкновения, аресты, нападения и ограбления, обсуждения происходящего в семьях и узких кругах друзей, единомышленников, соратников (от двух до 10–15 участников).

Каждое такое действие имеет структуру ритуала, но зачастую с высокой конфликтностью, предельным эмоциональным напряжением, реальными угрозами комфорту и даже жизни участникам, с резкими сменами настроений, разрушением прежних и формированием новых субъективных реальностей и сакральных символов, победами и поражениями, быстрыми драматическими сменами социальных и символических установок (*рефреймингами*), соответствующими распадами одних коалиций и формированием других (перегруппировкой альянсов).

Какую же роль играют организация, дисциплина, подчинение приказам и ранее принятым решениям? Как мы знаем, в революционный период ничто из этого не имеет полной надежности. Солдаты, офицеры, чиновники, сами революционные лидеры и функционеры переходят от одной стороны конфликта к другой, иногда даже неоднократно.

Следует отметить, что членство в организациях любого толка отнюдь не выводит закономерности

поведения за пределы представленной выше модели: *партийное членство – это лишь одна из идентичностей*, сама же организация, ее лидеры, прокламируемые цели и ценности являются для членов организации символами той или иной значимости. *Организационные ритуалы* (от приказов и отчетов до общих собраний и парадов) формируют картины мира и образы происходящего, тогда как должностные обязанности, подчинение дисциплине, ответственность имеют статус поведенческих стереотипов, наряду с другими – внеорганизационными – стереотипами.

При разрушении навязанного организацией образа происходящего, при делегитимации ее лидеров и целей начинают разрушаться организационная идентичность и соответствующие стереотипы поведения. Это и происходит при «подрывной» пропаганде. Зато в установках появляются и обретают значимость иные лидеры, иные цели, иные картины мира и образы происходящего. Этот процесс получает свое завершение при вступлении индивидов, групп в иную организацию, например в радикальную революционную партию, такую как большевистская или анархистская.

Также будем учитывать *поля взаимодействия* и переходы между ними:

1) *административное поле* (действия в рамках сложившихся бюрократических практик);

2) *правовое поле* (иски, судебные разбирательства и все, что с ними связано);

3) *электоральное поле* (предвыборная борьба, голосование);

4) *поле парламентской политики* (взаимодействия в представительных, законодательных собраниях разного уровня);

5) *поле публичного дискурса* (публицистика, лозунги, манифесты, речи лидеров, пропаганда);

6) *поле переговоров и торга* (формальные и неформальные коммуникации между представителями разных политических групп, институтов, партий, центров силы);

7) *поле уличной политики* (митинги, шествия, захват и удержание зданий, городских пространств, ответные действия режима);

8) *поле вооруженной борьбы* (конфликтующие стороны уже используют оружие, готовы убивать и умирать, но у хотя бы одной стороны нет полноценной военной, армейской организации);

9) *поле войны* (конфликтующие стороны имеют военную организацию, способности доставать, производить оружие и боеприпасы, рекрутировать новых бойцов).

В революционные периоды поля (1–4) ослаблены или вовсе разрушены, хотя электоральное поле (3) в еще мирное время остается актуальным: проходят партийные выборы, выборы представителей на разных съездах, в ассамблеи, учредительные собрания и проч.

Поля публичного дискурса (5) и переговоров (6) всегда исключительно важны в политике. В революционные периоды наиболее опасно, когда в дискурсе начинают преобладать призывы к уничтожению противника, а от переговоров стороны отказываются. Тогда уличная политика (7) радикализуется и пре-

вращается в поле вооруженной борьбы (8). Победившая сторона с тем или иным успехом пытается восстановить поля мирного взаимодействия 1–4 под своей властью.

При паритете сил, когда ни одна сторона не способна убедительно выиграть на основной территории страны, остается возможность вернуться к переговорам (6), созданию коалиционных органов власти (1), выборам (3) или признаваемым сторонами судебным разбирательствам (2). Если такой возможностью стороны не воспользовались, тогда вооруженная борьба (8) переходит в поле (9) и начинается гражданская война, которая имеет уже свою специфическую динамику.

Историческая развилка как цепочка событий-микроразвилок

В революционный период решающим является не одиночное столкновение, а весь каскад множественных и взаимосвязанных цепочек событий. В рамках данной концепции главными результатами этих событий являются сдвиги в легитимности сторон, так или иначе зафиксированные в институциональных изменениях в сферах власти, контроля над насилием и доступа к ресурсам.

Микроразвилка представляет собой такую ситуацию здесь-и-сейчас, в которой либо выиграть в столкновении может та или иная сторона, либо участники колеблются между разными способами действий (реакциями на происходящее, стратегиями поведения). Если есть примерное равенство сил, факторов, склоняющих поведение участников и ситуацию к тому или иному исходу, тогда предсказать его невозможно, а ретроспективное объяснение обычно сводится к подчеркиванию силы тех факторов, которые привели к уже известному исходу.

В теоретическом плане исключительно интересны такие цепочки микроразвилки, которые последовательно ведут к существенному, масштабному изменению – макрособытию. Каждая победившая революция (в том числе Февральская) относится к такому классу макрособытий. Каждая попытка восстановления порядка, которая могла удасться, но провалилась (случай Корниловского выступления), каждый успешный захват и утверждение власти при наличии значительных противостоящих сил (случай большевистской узурпации) – тот же структурный тип.

Простейшая модель включает два следующих друг за другом события-микроразвилки, когда исход первого существенно повлиял на исход второго. Это влияние может иметь два главных вектора: *уравновешивающий* (ход и противоход) или *усугубляющий* (ход и следующий ход в том же направлении).

В первом приближении стихийное влияние одной ситуации на другие ситуации заключается в том, что участники ведут себя согласно положительно подкрепленным установкам (фреймам, символам, отношениям, идентичностям, стереотипам), при том что установки, получившие ранее отрицательное подкрепление, блокируются или вовсе разрушаются.

Усугубляющий вектор цепочки имеет место тогда, когда критическая масса участников получила в про-

шой ситуации положительное подкрепление своих установок и действий, имеет преимущество ресурсов в актуальном поле последующей ситуации и воспринимает соответственно ту же линию поведения как ведущую к победе и соответствующую принятым символам, идентичностям, обязательствам; при этом противостоящие им участники ослабляют или прекращают борьбу из-за полученного отрицательного подкрепления, нехватки ресурсов и появления более привлекательных альтернатив для сохранения или увеличения комфорта.

В той же логике *противоход с уравниванием* происходит, когда эта масса участников ранее была фрустрирована, воспринимает поддержку прежнего направления действий как проигрыш для себя, предательство символов, отказ от идентичности и обязательств, а противоположную линию поведения – как соответствие символам и идентичностям, продвижение к победе или хотя бы уход от поражения.

В реальности цепочки событий переплетены между собой таким образом, что результаты одного события становятся входами в нескольких других событиях. Поток таких переплетенных событийных цепочек образует *каскад*, который также может иметь усугубляющий, уравнивающий вектор или циклическую динамику в том или ином пространстве измерений [12].

Февральская революция, как будет показано далее, имеет структуру усугубляющего каскада. Корниловское выступление в августе того же года интересно тем, что один усугубляющий каскад (до и после Московского совещания) двигал динамику революции в одном направлении (подавления анархо-большевистского радикализма), тогда как после объявления А. Керенским этого выступления «контрреволюционным мятежом» начался каскад с противоположным вектором (делегитимацией не только правых сил, но и Временного правительства, что дало возможность узурпации власти большевиками).

Принципы конфликтной динамики (мезо- и макроуровни)

Все элементы представленной концептуальной схемы динамически связаны между собой. На основе обобщения теоретических результатов М. Вебера, Г. Зиммеля, Л. Козера, Б. Мура, К. Боулдинга, А. Стинчкомба, Ч. Тилли, Р. Коллинза, а также с опорой на базовые принципы поведения в ситуациях «здесь и сейчас» [9–12], зафиксируем эти связи как принципы конфликтной динамики, действующие в революционные периоды.

О целях и стратегиях акторов:

– *факторы воли к власти*, добившиеся в борьбе лидерства и власти в партиях и движениях, обычно в кризисные и революционные периоды ищут и используют возможности к дальнейшему увеличению власти, тогда как привыкшие подчиняться в рамках бюрократических структур скорее откажутся от власти и ответственности;

– *факторы силы интересов*, воздействующих на формирующиеся в ритуале установки, на принятие

решений, определяются: а) идентичностью и принимаемой организационной позицией, б) стремлением избежать угрозы потери комфорта (жизнеобеспечения, безопасности, достоинства, дохода, позиции в отношениях власти, доступа к оружию, ресурсам, наполненности жизни надличностными, высшими, в том числе религиозными, смыслами), в) стремлением восполнить привычный, но недавно утраченный уровень комфорта, г) открывающимися заманчивыми перспективами повысить наиболее значимые в принятой идентичности и организационной позиции аспекты комфорта.

О выборе союзников и формировании коалиций:

– *принцип предпочтения союзников*; в ситуациях альтернативных возможностей заключения союзов политический актор склонен приглашать в союзники того актора, от которого меньше ожидает угроз для своей позиции и от которого ожидает большей поддержки в недостающих ресурсах [22];

– *принцип «враг моего врага – мой друг»*; акторы, чувствующие угрозу для своих позиций, угрозу дискредитации, репрессии, уничтожения, склонны составлять союзы с любыми противниками угрожающих акторов; при этом у разных акторов есть разные пороги допустимого в составлении таких коалиций; чем больше их идентичность связана с правовыми, конституционными установками, с авторитетной, правовой и международной легитимностью, тем строже идеологический правовой, моральный ценз для принятия в союзники.

О факторах легитимности и полях взаимодействия:

– *принцип Вебера*; легитимность политического актора (в том числе верховного органа государственной власти) прямо зависит от престижа могущества на внешней арене, от побед и поражений в военное время, заслуга или вина в которых приписываются этому актору [23, 24];

– *принцип сдвига легитимности*; в больших и могущественных державах при глубоком политическом кризисе, особенно когда происходит мобилизация для ведения открытых насильственных действий и население получает в руки оружие, снижается роль правовой и международной легитимности в пользу идеологической, авторитетной, силовой и появившейся парамилитарной; в такие периоды сама авторитетная легитимность сдвигается от интеллектуальных, духовных авторитетов к политическим лидерам с яркой риторикой, а идеологические символы превосходят по значимости формально-правовые нормы и общеправовые принципы;

– *принцип локализации*, силовая и бюрократическая легитимность правителя обратным образом зависят от того, насколько далеко он находится от столицы и своей резиденции, может ли туда попасть; вероятно, главным фактором здесь является доступ правителя к коммуникациям; если он затруднен, то заговорщики и контрэлита меньше опасаются сплоченного противодействия своему «предательству», поскольку верным, лояльным силам легче и естественней встать на защиту правителя, находящегося в символическом властном центре;

– *принцип удержания поля*; каждый актор стремится удержать политическое взаимодействие в том

поле, в котором имеет ресурсное преимущество (или рассчитывает на него);

– *принцип смены поля*; при недостаточности ресурсов в актуальном поле взаимодействия (например, мирном, правовом, электоральном) и невозможности при угрозе проигрыша и отсутствии надежд получить в нем преимущество политические акторы склонны накапливать альтернативные ресурсы и переводить взаимодействие в иное поле (например, поле уличных протестов и/или вооруженного противостояния).

О насилии:

– *Факторы переключения* (с бегства от насилия к ответному насилию). Иногда устрашение, жестокое подавление, убийства со стороны режима вызывают не страх и капитуляцию восставших, утрату ими поддержки, а наоборот – озлобление, решимость сопротивляться, ответную агрессию и рост массовой поддержки. Такое переключение – это всегда массовый рефрейминг, быстрая и драматическая смена установок. Начальный фрейм «опасный, преступный бунт против порядка и власти» меняется на фрейм «наша праведная борьба с подлым ненавистным врагом». Соответственно меняются идентичности: от «мы – бунтовщики, недовольные, несогласные, протестующие» к новой идентичности «мы – героические революционеры, борцы за свободу и достоинство». К такому рефреймингу ведут следующие факторы:

– неожиданное, непривычное, особо жестокое, несоизмеримое насилие в отношении протестующих, тем более мирных, включающих женщин, детей, стариков;

– массовость протеста, его нарастание изо дня в день, что ведет к уверенности в расширении движения, к общему возбуждению, энтузиазму и ощущению себя «народом»;

– признаки нерешительности и слабости со стороны режима и репрессивных сил, особенно случаи их отказа от насилия, выражения солидарности с протестующими и перехода на их сторону;

– наличие критической массы потенциальных бойцов с прошлым опытом силового противостояния, способностями к мобилизации, к организации сопротивления, в том числе вооруженного;

– известность недавно произошедших случаев успеха сопротивления.

– *Эффекты успеха и провала в силовом противостоянии (принцип Мао: «винтовка рождает власть»)*; при общем низком уровне правового сознания победа в открытом столкновении (в том числе вооруженном) резко увеличивает силовую, парамилитарную и популярную легитимность тех, кому приписываются главные заслуги в победе, а также увеличивает поддержку их лозунгов и способов действия; напротив, поражение ведет к падению легитимности проигравших, к дискредитации их идей, стратегий и практик.

Принципы, объясняющие поведение в конфликтных ситуациях «здесь и сейчас» (уровень ультрамикро-)

– *Принцип выбора альтернатив*. При прочих равных субъект (индивид или группа) выбирает из двух и более альтернатив ту поведенческую стратегию, ко-

торая соответствует идентичности субъекта, его организационным и моральным обязательствам в составе социальных установок, обретенных в недавних наиболее эмоционально внушительных ритуальных действиях, а также с учетом положительного или отрицательного подкрепления прошлых действий.

– *Принцип импрессивности* (ритуальной внушительности установок). В конфликтных столкновениях участники склонны принимать те установки (фреймы, символы, отношения, идентичности, поведенческие стереотипы), которые:

– в большей мере представляются как соответствующие наиболее сильным актуальным интересам, выражающим потребности сохранить и / или повысить комфорт жизнеобеспечения, или социальный комфорт, или духовный комфорт (а они у разных субъектов разные);

– актуализируются через близость к общему центру внимания и эмоционального воодушевления, актуализирующему те или иные интересы (потребности комфорта), что обычно задается доминирующим в ритуале престижным, харизматическим лидером, а также участниками, с которыми ранее достигнут высокий уровень солидарности;

– ассоциируются с прошлым значимым успехом, выигрышем, победой либо воспринимаются как противоположные причинам досадных, фрустрирующих провалов, проигрышей, поражений.

– *Принцип ритуального доминирования*. Среди нескольких конкурирующих в ритуале лидеров доминировать будет тот, который: а) ассоциируется с победой над внешним противником (по принципу Вебера), б) наиболее убедительно обещает защиту от угроз и защиту интересов, представляя как сильный, решительный лидер, богатый организационными и/или иными актуальными в сложившейся ситуации ресурсами (силовыми, финансовыми, символическими), в) представляет такую картину реальности и такой план действий, которые либо соответствуют ранее сложившимся убеждениям, либо настолько убедительны и привлекательны (благодаря опоре на более глубинные установки), что производят рефрейминг – смену всех установок в пользу такого лидера.

– *Факторы решимости применять насилие в конфликтных столкновениях*. Физическое, тем более вооруженное насилие, угрожающее здоровью и жизни противника, является крайним типом действий по навязыванию своего ритуала (подавления, устрашения, возмездия, казни и т.д.). Решимости способствуют уверенность в своем силовом преимуществе, чувство правоты (защиты надличностных символов, святынь, ценностей), успех прошлых акций насилия, уверенность в защите «своих» через применение насилия, накопленные отчуждение и агрессия по отношению к «чужим», а в редких случаях – отчаяние, когда любая иная альтернатива оказывается неприемлемой для сохранения идентичности и достоинства.

– *Факторы, воздерживающие от применения насилия*. Тормозят, блокируют решимость к насилию страх поражения, неприемлемость потери идентичности, достоинства, репутации, когда противник безоружен, слаб (особенно если это дети, женщины, ста-

рики) или воспринимается как принадлежащий к «своим».

События Февраля и поля взаимодействия

Когда известен итог, то кажется, что иного и быть не могло. Однако в 1905 г. не только столицу, но и всю Империю потрясли волнения, в 1916 г. произошли вполне серьезные революционные «репетиции» [25], тем не менее режим выстоял. В феврале 1917 г. цепочка следующих эпизодов – конфликтных столкновений – сыграла роковую роль для монархии:

– 23 февраля: первыми на центральные площади и улицы Петрограда вышли женщины, начались забастовки на заводах, колонны демонстрантов шли с лозунгами «Хлеба!» «Долой войну!», «Долой самодержавие!»; казаки, полицейские отказались тогда разгонять, бить, расстреливать женщин;

– 24 февраля: проведена всеобщая забастовка (более 200 тыс. рабочих), продолжались демонстрации, к которым присоединились студенты и курсистки; около 30 полицейских были избиты; казаки замечены в сочувствии протестующим; командующий столичным округом генерал Хабалов направил гвардейские запасные полки к центру города;

– 25 февраля: выставлены заставы; многотысячные колонны протестующих пытались прорваться в центр города; произошли столкновения со стрельбой, с применением петард и ручных гранат;

– 26 февраля: разведены мосты через Неву, но протестующие прорывались в центр по льду; на Знаменской площади и в других местах был открыт огонь по демонстрантам (несколько десятков убитых и раненых); рабочие стали захватывать предприятия;

– 27 февраля: Волынский и Московский полки, а затем весь столичный гарнизон вместо того, чтобы участвовать в подавлении мятежа, присоединились к восставшим; Совет министров самораспустился; по призыву левых революционеров, освобожденных из тюрьмы «Кресты», солдаты и рабочие заняли Таврический дворец – резиденцию Думы; Дума поддержала восстание, образовав «Временный комитет», меньшевики и социалисты образовали Совет рабочих депутатов (Петросовет); начались погромы и убийства полицейских; Временный комитет к ночи объявил, что берет власть в свои руки;

– 28 февраля в Петрограде: подавление остатков сопротивления, арест министров «Временным комитетом», поиски, аресты, убийства спрятавшихся полицейских, слухи про «пулеметы на чердаках; начавшаяся эйфория победы соединяется с тревогой – придут ли карательные войска с фронтов;

– 28 февраля – 1 марта: начальники фронтов общаются в Ставку о подготовке к отправке полков для подавления столичного восстания; множественные телеграммы, телефонные переговоры, встречи между главными акторами (см. ниже); начальник Штаба М. Алексеев после переговоров с главой Думы М. Родзянко затягивает отправку войск в Петроград, фактически начинает поддерживать новую власть в столице;

– 2 марта: Николай II после информации о том, что Ставка фактически поддержала Думу и план форми-

рования Временного правительства, телеграммой приказывает остановить карательный поход на столицу, подписывает манифест об отречении, что означало победу Февральской революции.

В каждый из этих дней при иных объективных и субъективных условиях ситуация могла развиваться по иным руслам, т.е. в критических местах на главных *полях взаимодействий* возникали *развилки*, их результаты соединялись между собой, порождая новые развилки. При всей сложности, переплетенности событий и процессов общая канва сети микрособытий известна и имеет усугубляющий характер: легитимность и властные ресурсы монаршей власти приходили в упадок, тогда как легитимность и властные ресурсы новых органов власти – Временного комитета (зародыша Временного правительства) и Петросовета – рождались и росли.

Поле публичного дискурса поначалу оставалось незадействованным. Вероятно, отложенным образом сыграли роль усилия А. Гучкова и «рабочей группы» организовать массовые шествия в Петрограде, запланированные на 14 февраля с требованиями «ответственного правительства» (что тогда не получилось) [26].

Главным стало *поле уличной политики*, быстро превратившееся в *поле вооруженной борьбы*, в котором восставшие уверенно победили благодаря переходу на их сторону двух полков, а затем и почти всего столичного гарнизона.

Начиная с этой победы 27 февраля главным в последующие дни становится *поле переговоров и торга*: между восставшими и членами Думы, между представителями Думы и императором, между императором и Ставкой, между созданными Временным комитетом и Петросоветом, между Ставкой и Временным комитетом. Именно благодаря успешным переговорам и соглашениям прекратилась вооруженная борьба, страна тогда не скатилась в *поле войны* (что произойдет через год-полтора уже совсем в иных обстоятельствах, когда захватившие власть большевики и антибольшевистские силы отвергли любую возможность переговоров).

Действие закономерностей в конфликтной динамике Февраля

Отказ казаков подавлять женский протест был обусловлен идентичностью мужчины-воина, стража порядка, для которого «бить баб» недостойно. Для казаков и полицейских в первый день сработал *фактор, снижающий решимость применять насилие*.

Получив положительное подкрепление (открытый протест оказался безнаказанным), женщины решили продолжать и расширять свою линию поведения, призвав уже мужчин-рабочих с заводов. Этот более широкий протест уже получил жесткий отпор, в том числе расстрел из боевых пулеметов. Все это происходило в условиях *сдвига легитимности*: правовые рамки поведения, правовая, популярная и силовая легитимность власти подорваны, тогда как популярную и парамилитарную легитимность получают лидеры с наиболее радикальными призывами и речами (позже престиж Керенского взлетел именно на этой основе).

25 и 26 февраля были днями неустойчивого равновесия. Многим даже казалось, что бунт подавлен. На самом же деле произошло классическое *переключение с бегства от насилия к ответному насилию*. Жесткие пулеметные расстрелы, нарастание массовости протеста, явные признаки нерешительности, даже солидарности со стороны сил режима – все эти *факторы переключения* сыграли роль, увенчавшись 27 февраля переходом двух полков, а потом и всего столичного гарнизона, на сторону восставших.

Это важнейшее событие само состояло из цепочки микрособытий: бурных обсуждений в казармах происходящего в городе, солдатских бунтов и расправ с офицерами, братания с восставшими, включения в их движение и борьбу.

Здесь действовали сразу несколько принципов конфликтной динамики:

– *принцип предпочтения союзников и «враг моего врага – мой друг»*: солдаты боялись отправки на фронт, опасались офицеров как представителей режима, тогда как от восставших рабочих не чувствовали угроз, напротив, ожидали поддержки, которую потом и получили (знаменитый Приказ № 1 Петросовета);

– *принцип смены поля*: солдаты не часто решаются на бунт против офицеров, поскольку хорошо знают, чувствуют, что вся мощь армии будет на стороне офицеров, а бунтовщиков сурово покарают; если же армия далеко, а город полон возмущенными толпами, уже не боящимися пуль, готовыми к ответному сопротивлению, то при накопившемся раздражении против офицеров соблазн бунта многократно возрастает; успех бунта и отсутствие наказания за него в соседней части вдохновляет на последующие бунты уже по принципу «снежного кома»; в результате солдаты с успехом сменили невыгодное для них *административное поле военной дисциплины* на поле уличной политики и вооруженного противостояния, где чувствовали свое растущее превосходство;

– *принцип импрессивности*: не только и не столько лозунги восставших привлекали солдат (хотя и были им близки); в каждом микрособытии происходила трансформация ритуала, когда латентные установки и интересы солдат (нежелание идти воевать, раздражение против офицеров, власти и режима, жажда этих вчерашних крестьян получить землю) вышли на первый план; солидарность с восставшими, включенность в охватившее всех возбуждение от чувства своей силы и близкой победы оттеснили иные установки, оказавшиеся слишком слабыми (армейская идентичность, воинская дисциплина и обязательность подчинения приказам начальства).

Переход гарнизона на сторону восставших кардинально изменил соотношение сил, однако оставались открытыми вопросы власти и ее легитимности.

В этом аспекте главную роль сыграли следующие события:

а) самороспуск Совета министров и фактическая поддержка мятежников Думой,

б) отказ от карательного похода на столицу, признание думских предложений, легитимности «Временного комитета» руководством армии (Штабом и командующими фронтами).

Событие (а) может казаться автоматическим следствием победы восставших в столице, но дело обстоит сложнее. Члены обоих органов власти могли пытаться выехать из мятежного города, чтобы затем участвовать в восстановлении в нем порядка (как это было в случае Парижской коммуны в 1870–1871 гг.). Сочетание нескольких обстоятельств привело к следующему:

– отсутствие в столице императора Николая II (см. выше *принцип локализации*), к тому же изрядно делегитимированного из-за военных поражений (*принцип Вебера*), недавних грязных слухов о Распутине и царице-немке (падение популярной легитимности), а также упрямого противостояния императора требованиям Думы (падение авторитетной и бюрократической легитимности);

– министры, привыкшие к подчиненности и зависимости, при затрудненных, сильно запаздывающих контактах с Николаем, не могли взять на себя полноту власти и ответственности за происходящее; не решились без высочайшего приказа покинуть столицу, сохранив тем самым правительство (в полном согласии с *факторами воли к власти*);

– осажденные с Таврическим дворце члены Думы были поставлены перед жестким выбором; при отказе поддержать мятежников они могли поплатиться свободой и жизнью, тогда как при поддержке мятежников, объявлении «победы Революции» и решении возглавить мятеж уже как «Революцию Свободы» они получали взлет престижа и легитимности, сохраняя возможность как-то договориться с царем и военными (*принцип выбора поведенческих альтернатив*);

– сыграла роль широко распространенная идея революции, популярность революционерства; поэтому Дума воспользовалась мятежом, чтобы объявить свой «Временный Комитет» верховной исполнительной властью до решения вопросов с учреждением конституционной монархии или отречением царя (*факторы воли к власти и принцип выбора поведенческих альтернатив*).

Если вернуться к приведенному выше объяснению усугубляющего характера каскада событий, что обнаружим, что принцип продолжения и расширения ранее положительно подкрепленных действий работал не только для восставших масс в первые дни Революции, но и для акторов, формировавших в своих взаимодействиях ее начальные политические итоги. Таким же образом ослабляли и прекращали борьбу вначале силы правопорядка (полиция и казаки), а затем политические акторы, стремившиеся сохранить монархию (от думских депутатов до армейских генералов): они не желали повторять недавних провалов, им не хватало ресурсов, они нашли для себя более привлекательную альтернативу – поддержать Революцию и новую власть. Рассмотрим каскад политических событий после переворота в столице более детально.

Отмена карательного похода и отречение

Событие (б) – признание думских предложений руководством армии – включает множество контактов и взаимодействий между Николаем II, Ставкой, главой Думы М. Родзянко, новым комиссаром железно-

дорожного сообщения А. Бубликовым, Временным комитетом Думы, Петросоветом, революционными войсками и проч.

При всей сложности стремительно развивавшейся ситуации несколько главных фактов предопределили известный итог (отречение Николая II, отказ принять престол Михаилом и передачу верховной власти Временному правительству). Каждый раз действовали *факторы силы интересов*:

– символический центр государства (столица) был захвачен альтернативным политическим актором, который одновременно имел преемственную формально-правовую легитимность и силовой ресурс для своей защиты, исключая легкую и бескровную победу над ним;

– поскольку Россия находилась в состоянии войны, большая и кровопролитная карательная операция с подавлением значительных революционных сил, захвативших столицу, представлялась военному руководству (начальнику Штаба генералу М. Алексееву и др.), крайне нежелательной, опасной, к тому же отнюдь не престижной (идентичность военных связана с ценностями защиты Родины от внешних врагов, а не с кровавым подавлением соотечественников);

– соответственно, для военного руководства, формально подчиненного и ранее лояльного верховному правителю, попытка вооруженного захвата этого центра сопряжена с большими издержками и дальнейшими политическими рисками; тогда как переход на сторону этого центра, с одной стороны сулил существенный выигрыш в плане актуальных интересов, с другой стороны, давал возможность избежать обвинений в предательстве;

– образ происходящего, представления о новой власти в столице, преобладавшие в непосредственном окружении военного руководства, среди подчиненных, не позволяли однозначно трактовать ситуацию через фрейм: «кучка опасных мятежников, которых необходимо подавить»; скорее этот образ соответствовал фрейму «появился серьезный претендент на власть со своей легитимностью и поддержкой, который вполне может выиграть»;

– поддержка Думой восставших в столице, временное успокоение создали такое впечатление у военного руководства, что смуту в стране можно остановить уступками, соответственно Временный комитет Думы обрел легитимность для военного руководства, которое стало поддерживать его требования;

– в условиях возникшего двоевластия, практически полной поддержки столичными войсками Петросовета, взрыва революционного энтузиазма в столице, когда все вдруг стали надевать красные банты, Временный Совет Думы был вынужден в течение 2–3 суток наращивать радикализм в своих требованиях уступок от царя; в результате вместо допущения «ответственного правительства» и согласия на конституционную монархию уже требовалось отречение; здесь сыграли роль как уступка силовому давлению со стороны Петросовета и возбужденных масс, так и стремление Временного Совета поддержать, укрепить свою легитимность как «новой революционной власти Свободной России»;

– согласившись поддерживать новую власть в столице, военное руководство фактически присоединилось и к этому требованию, иначе опять пришлось бы готовиться к карательному походу, решимости на который уже ни у кого не было;

– захват революционными силами Царского села, где находилась семья императора, отсутствие у него значительных верных сил, телеграммы Николаю II от начальников фронтов с просьбами согласиться с требованиями, отказ и реальная неспособность думского Комитета гарантировать безопасность Михаилу, знавшему о широких антимонархических настроениях, – все это привело к двойному отречению (принять Михаилу престол в той ситуации сулило гораздо больше угроз комфорту и жизни, чем отречение).

В решающие дни Февральской революции (27 февраля – 2 марта) большинство акторов сохранили или упрочили свои позиции (Прогрессивный блок Думы, Петросовет, военное руководство), тогда как в проигрыше оказались император со своим двором, ну и М. Родзянко, безуспешно пытавшийся конвертировать свое формальное лидерство в Думе и роль посредника во властное лидерство при смене режима.

Заговоры и перевороты со свержением верховного правителя – нередкие случаи в мировой истории, весьма распространенные в политической истории России, особенно в XVIII и XX вв. В случае Февральской революции внимание обычно направлено только на проигрыш царя, выраженный в его отречении, за которым последовали дальнейшие трагические события для него и семьи. Однако менее значимый случай проигрыша М. Родзянко позволяет выявить основные инварианты. Оба имели высший статус в соответствующих властных институтах, оба лишились легитимности и силовой поддержки. Оба не имели влияния на настроения и действия основных политических сил и вооруженных групп в столице. Лишение обоих формального статуса и формальных полномочий было крайне выгодно актерам, получившим в новых условиях легитимность и силовую поддержку (Временному комитету Думы и Петросовету). Кроме того, Николай II и М. Родзянко не имели никакого контроля над коммуникациями между остальными актерами, которые и составили коалиции, достаточно сильные для лишения их обоих как статуса, так и полномочий.

Заключение: возможности и границы теоретизации революционной динамики

Если у читателя статьи хоть сколько-то поколебались привычные многим убеждения об абсолютной уникальности, неповторимости исторических явлений, о полном хаосе революционных событий и безнадежности поиска любых закономерностей для их объяснения, то сверхзадача данной работы уже во многом выполнена.

Закономерности конфликтной динамики есть, они действуют, в том числе, в самые бурные революционные периоды и даже на уровне ситуаций «здесь и сейчас». Отметим, что принципы были сформулированы в общих терминах, без привязки к событиям в Петро-

граде 1917 г., а значит, могут быть применены, проведены на множестве иных случаев в других культурах и других эпохах.

Вместе с тем следует признать, что приведенные объяснения событий Февраля далеки от гемпелевского канона полноценного научного объяснения [27]. Формулировки универсальных гипотез (принципов) были даны, но не было строгого систематического указания начальных условий, соответствующих требованиям этих гипотез. Ситуация осложняется тем, что в реальной жизни, тем более в революционные периоды с острыми конфликтами, перетекающими друг в друга, одновременно потенциально действительны несколько закономерностей. Поэтому поступки, стратегии сходных акторов в сходных ситуациях нередко радикально расходятся. Для полноценного объяснения (тем более предсказания) здесь необходимы сравнительные оценки силы факторов, действующих в разных направлениях [28]. Если для явлений и процессов уровня макро- и мезо- данные для такого рода оценок еще можно получить, пусть неточные, неполные, косвенные, то для уровней микро- и ультрамикро- это представляется недостижимым.

Кроме того, используемые в формулировках психологические концепты – «картины мира», «установки», «идентичности», «интересы», «стремления», «принятые ценности», «ощущаемые угрозы», «образы происходящего», «поведенческие стереотипы», «арсенал стратегий» и т.п. – делают проверку гипотез на историческом материале крайне затруднительной, если вообще возможной. Есть два выхода из этой трудной ситуации:

1) полностью элиминировать субъективистские элементы из формулировок принципов, т.е. пойти по пути радикального объективизма, как в классическом бихевиоризме или в современных подходах поиска корреляций по статистическим данным, математического моделирования исторической динамики;

2) не отказываться от вполне конструктивных понятий из субъективной сферы (см. выше), получать сведения о ментальных реалиях через анализ и реконструкцию всевозможных свидетельств: протоколов заседаний, мемуаров, писем и прочих источников, но не просто фиксировать их, а включать в логику постановки и проверки теоретических гипотез.

Оба подхода оправданы и полезны, но если первый уже уверенно развивается в форме *клиодинамики* [29–31], то второй пока что остается заманчивой и почти не разработанной исследовательской перспективой.

Сциентистские мечты о полном «лапласовском» объяснении всего и вся в истории давно отброшены. При этом теоретическое объяснение, пусть неполное, но с явной формулировкой закономерностей, открывающих широкие возможности последующих уточнений, проверок, систематических исторических сравнений, остается гораздо более плодотворным для развития исторического и социального познания, чем обычные мантры об «уникальности» явлений прошлого, об «отсутствии» или «непознаваемости» исторических закономерностей, о «не поддающемся никакому разумному объяснению хаосу революционных событий».

Революции, историю и Россию можно и нужно «понимать умом», а значит, строить и проверять теоретические концепции и модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отличие идеи трех типов комфорта с классическими «шкалами» ценностей и потребностей М. Шелера, А. Маслоу и др. [17, 18] состоит в отрицании единой общеобязательной иерархии, а также принципа перехода к высшим уровням потребностей, ценностей при удовлетворении низших. Действительно, эти иерархии крайне разнообразны и изменчивы, о чем свидетельствует реальность аскетизма, самопожертвования, забвения всего и вся ради славы и богатства, а также радикальные повороты в стремлениях, идентичностях, жизненных стратегиях, случаи героизма и предательства, особенно частые и драматичные в революционные периоды. Таким образом, главным принципом, управляющим приоритетностью человеческих стремлений, оказывается не какая-то вечная и универсальная «шкала ценностей» или «лестница потребностей», а участие во внушительных, эмоционально насыщенных ритуалах (в том числе с конфликтами и рефреймингами), формирующих *ценностные установки*, наряду с установками остальных четырех типов.

² Строго говоря, изменения в социальном мире (социосфере) – дача приказа, покупка-продажа, подписание документа о собственности, принятие общего решения на партийном пленуме и проч. – всегда имеют некий материальный, физический аспект, происходящее в котором встроено в систему или сеть социальных отношений, механизмов. Социальное значение физического события (передачи денег и вещей из рук в руки, появления подписи на бумаге, поднятия рук при голосовании и проч.) появляется и существует *только* при наличии у участников установок (фреймов, поведенческих стереотипов), определяющих их поведение при условии такого события. Короче говоря, *вся* социальная онтология зиждется, конечном счете, на ритуалах и формируемых в них установках. То же следует сказать о культурных образцах и знаковых системах, включающих естественные языки. Каждое написанное или произнесенное слово – физический объект, а значения слов и смыслы высказываний, текстов понимаются людьми, используются ими в коммуникации только при наличии у них соответствующих установок – языковых фреймов и стереотипов речевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осоргин М. Первые дни // Пережитое. М., 1919. Ч. 1.
2. Половцев П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего Восками Петроградского Военного Округа. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016.
3. Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. М. : Центрполиграф, 2006.
4. Никитин Б. Роковые годы. Новые показания участника. Париж, 1937.
5. Анатомия революции: 1917 год в России. СПб. : Глагол, 1994.
6. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.
7. Нефедов С.Н. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10.
8. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 2010. С. 112–123.
9. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2004.
10. Коллинз Р. Социология философов: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
11. Гофман И. Представление себя и другим в повседневной жизни. М. : КАНОН_ПРЕСС-Ц, КУЧКОВО ПОЛЕ, 2000.
12. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011.

13. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
14. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
15. Торндайк Э., Уотсон Дж.Б. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М. : АСТ-ЛТД, 1998
16. Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 60–95.
17. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.
18. Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York : Harper & Row, 1954.
19. Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб., 2006.
20. Розов Н.С. Модели обеспечения легитимности и кризисная динамика // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 40–47.
21. Розов Н.С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 90–107.
22. Moore V. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston : Beacon Press, 1966.
23. Тернер Дж., Дольч Н. Классические положения геополитики и последствия войны // Война и геополитика. Альманах «Время мира». 2003. Вып. 3. С. 251–264.
24. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС, 2015.
25. Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // Былые годы. 2016. № 42, вып. 4. С. 1378–1385.
26. Нефедов С.А. Личный враг императора // Новый мир. 2017. № 3. С. 115–124.
27. Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира. Вып. 1 : Историческая макро-социология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 55–63.
28. Розов Н.С. Историческая макро-социология: методология и методы. Новосибирск : НГУ, 2009.
29. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М. : УРСС, 2007.
30. Коротаев А.В. и др. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд., суц. перераб. и доп. М. : URSS, 2010.
31. Розов Н.С. Клиодинамика без математики: методы и средства исторической макро-социологии // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2011. Вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 июля 2017 г.

THE CONCEPT OF CONFLICT DYNAMICS AND THE MAIN ‘FORKS’ OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 41–52.

DOI: 10.17223/15617793/421/6

Nikolai S. Rozov, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Keywords: February Revolution; interactive rituals; legitimacy; attitudes of consciousness and behavior; operant conditioning; social conflict; political violence.

The concept of conflict dynamics during periods of deep social and political crises and social revolutions is presented. The concept integrates the theory of interactive rituals (E. Durkheim, E. Goffman, R. Collins), the theory of attitudes (Dm. Uzmadze) and habitus (P. Bourdieu), the operant conditioning model (B. Skinner), a new typology of legitimacy, principles of legitimacy dynamics, change of interaction fields, factors of resoluteness to use violence, etc. The “chaos” of revolutionary events is interpreted as a complex, polyvariant conflict dynamics with intermittent periods relative to regular processes (“funnel” or “track”, “rut”) and brief periods of bifurcation with several opening alternatives (“fork”). In successful interactive rituals, participants begin to experience a common emotion and acquire a common subjective reality. The stronger this general emotion is, the more effectively the five types of attitudes are strengthened or transformed: cognitive attitudes (frames), existential attitudes (identities), symbolic attitudes (sacred objects, values), social attitudes (roles), behavioral attitudes (typical reactions, practices). Aggressive conflicts with escalation are treated as a combination of attempts by each side to impose its ritual: to stand in the winner position and to drive an enemy into the defeated position. The attitudes in the rituals are actualized, strengthened or become latent, destroyed depending on the positive or negative reinforcement: the sense of winning, victory or frustration of loss, defeat. The special role of violence in the revolutionary periods is due to the weakening of conventional institutions and practices that exclude or severely restrict violence. The author uses the but a new typology of legitimacy, rather than the classical Weberian one, which includes division according to the subjects of recognition: forceful legitimacy, authoritative legitimacy, popular legitimacy, international legitimacy. In revolutionary periods, the state loses its monopoly on legitimate violence, and therefore there appears a paramilitary legitimacy that political actors possess from all sorts of militant groups and gangs. In the revolutionary period, decisive is not a single encounter, but the whole cascade of multiple and interconnected chains of events. The main results of these events are shifts in the legitimacy of the parties, in access to administrative and forceful resources. On this basis, a theoretical analysis of the well-known events of the February Revolution of 1917 was carried out: the increase in the mass character of insurgents, despite attempts of forceful suppression, the transfer of Petrograd garrison to the Revolutionary side, the dissolution of the Council of Ministers and factual support of rebels by the Duma, the rejection of the punitive march, the abdication of Nicholas II.

REFERENCES

1. Osorgin, M. (1919) *Pervye dni* [The first days]. In: *Perezhitoe* [The Experienced]. Part 1. Moscow.
2. Polovtsev, P.A. (2016) *Dni zatmeniya. Zapiski glavnokomanduyushchego Voyskami Petrogradskogo Voennogo Okruga* [Days of the eclipse. Notes of the Commander-in-Chief of the Troops of the Petrograd Military District]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
3. Reden, N. (2006) *Skvoz' ad russkoy revolyutsii. Vospominaniya gardemarina* [Through the Hell of the Russian Revolution. Memories of a mid-shipman]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Nikitin, B. (1937) *Rokovye gody. Novye pokazaniya uchastnika* [Fatal years. New testimony of the participant]. Paris: Les Editions reunis.
5. Chernyaev, V.Yu. (ed.) (1994) *Anatomiya revolyutsii: 1917 god v Rossii* [Anatomy of the Revolution: 1917 in Russia]. St. Petersburg: Glagol.
6. Kolonitskiy, B.I. (2001) *Simvol' vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyevskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: on the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Nefedov, S.N. (2005) *Fevral' 1917 goda: vlast', obshchestvo, khleb i revolyutsiya* [February 1917: power, society, bread and revolution]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 10.

8. Buldakov, V.P. (2010) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
9. Collins, R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
10. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophy: A Global Theory of Intellectual Change]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
11. Gofman, I. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Introducing oneself to others in everyday life]. Moscow: Kanon_Press-Ts, Kuchkovo Pole.
12. Rozov, N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Track and pass: macrosociological foundations of Russia's strategies in the 21st century]. Moscow: ROSSPEN.
13. Znanetskiy, F. (1996) *Iskhodnye dannye sotsiologii* [Background data of sociology]. In: Dobren'kov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty* [American sociological thought: Texts]. Moscow: International University of Business and Management.
14. Uznadze, D.N. (1966) *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Moscow: Nauka.
15. Thorndike, E. & Watson, J.B. (1998) *BikheviORIZM. Printsipy obucheniya, osnovannye na psikhologii. Psikhologiya kak nauka o povedenii* [Principles of training based on psychology. Psychology as a science of behavior]. Translated from English. Moscow: AST-LTD.
16. Skinner, B.F. (1986) *Operantnoe povedenie* [Operant behavior]. Translated from English. In: Gal'perin, P.Ya. & Zhdan, A.N. (eds) *Istoriya zarubezhnoy psikhologii. Teksty* [History of foreign psychology. Texts]. Moscow: Moscow State University.
17. Scheler, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gnozis.
18. Maslow, A.H. (1954) *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row.
19. Austin, J.L. (2006) *Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty* [Three ways to shed ink. Philosophical works]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
20. Rozov, N.S. (2015) *Modeli obespecheniya legitimnosti i krizisnaya dinamika* [Models for ensuring legitimacy and crisis dynamics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 13:1. pp. 40–47.
21. Rozov, N.S. (2014) *Printsipy i kriterii legitimnosti postrevolyutsionnoy vlasti* [Principles and criteria for the legitimacy of post-revolutionary power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 90–107.
22. Moore, B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
23. Turner, J. & Dolch, N. (2003) *Klassicheskie polozheniya geopolitiki i posledstviya voyny* [Classical provisions of geopolitics and consequences of war]. Translated from English. *Vremya mira*. 3. pp. 251–264.
24. Collins, R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory. Essays on sociology of great duration]. Translated from English. Moscow: URSS.
25. Nefedov, S.A. (2016) *A Try-Out of the February Revolution? Bylye gody*. 42:4. pp. 1378–1385. (In Russian).
26. Nefedov, S.A. (2017) *Lichnyy vrag imperatora* [Emperor's personal enemy]. *Novyy mir*. 3. pp. 115–124.
27. Hempel, K. (200) *Funktsiya obshchikh zakonov v istorii* (Pervonachal'no opublikovano v 1942 g.) [The function of general laws in history (originally published in 1942)]. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira* [Time of Peace]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
28. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical macrosociology: methodology and methods]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
29. Turchin, P.V. (2007) *Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoy istorii* [Historical dynamics: towards a theoretical history]. Moscow: URSS.
30. Korotaev, A.V. et al. (2010) *Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya* [Laws of history: Mathematical modeling and forecasting of world and regional development]. 3rd ed. Moscow: URSS.
31. Rozov, N.S. (2011) *Kliodinamika bez matematiki: metody i sredstva istoricheskoy makrosotsiologii* [Cliodynamics without mathematics: methods and means of historical macrosociology]. In: Il'in, M.V. (ed.) *Metod: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [Method: Moscow Yearbook of works from social science disciplines]. Vol. 2. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS.

Received: 14 July 2017